

МЕТОДОЛОГИЯ

Статья профессора университета Маккуори (Австралия) Дэвида Кристиана (Christian D. The Case for "Big History" // Journal of World History. 1991. Vol. 2. # 2) продолжает серию публикаций "ОНС" по Большой истории. Кроме работ отечественных ученых, исследующих социальную историю в универсальном контексте, были опубликованы фрагменты книг Э. Янча "Самоорганизующаяся Вселенная" (1999. № 1) и Ф. Спира "Структура Большой истории" (1999. № 5). В дальнейшем термин "Большая история" будет использоваться в сочетании с более понятным русскому читателю синонимичным термином "Универсальная история".

Д. КРИСТИАН

К обоснованию "Большой (Универсальной) истории"*

В каком масштабе следует изучать историю? Учреждение "Журнала мировой истории" уже подразумевает радикальный ответ: в географическом смысле соразмерным масштабом служил мир в целом. В данной работе я буду отстаивать не менее радикальный ответ на этот же вопрос во временном аспекте. Я намерен доказать, что изучению истории адекватен универсальный масштаб времени. Иными словами, историки должны быть готовы рассматривать прошлое во многих различных масштабах вплоть до масштаба времени самой Вселенной - отрезка в 10-20 млрд лет¹. Именно это я называю *Большой историей*.

В моем понимании обоснование мировой истории в большой степени зиждется на вере многих историков в то, что историческая дисциплина не имеет возможности прийти к адекватному балансу между противоречивыми требованиями детальности и общности. В течение столетия со времен Ранке историки с огромной энергией и не меньшим успехом занимались документальным освидетельствованием прошлого. Ими была накоплена обширная информация по истории ряда современных обществ, в особенности европейского и средиземноморского происхождения. Но если вы хотите понять значение деталей, то в истории, как и в любой другой академической дисциплине, следует смотреть в суть фактов через детали, чтобы увидеть, как они сопряжены. И если мы намерены увидеть каждую часть нашего предмета в их контексте, то нам необходимы масштабные карты. Увы, историков так поглотили исследования деталей, что они стали пренебрегать масштабным видением прошлого. Действительно, многие историки, веря, что в конечном итоге факты скажут все сами за себя (лишь только их будет накоплено достаточное количество), намеренно отказываются

* Хочу поблагодарить Джона Андерсона и Эрика Джонса за замечания по раннему варианту данной статьи.

¹ В соответствии с космологией Большого взрыва - главенствующей парадигмой современной астрономии и космологии.

от обобщений и забывают, что любые факты говорят только "голосом" исследователя. Результат такого одностороннего подхода - дисциплина, несущая большое количество информации, но с фрагментарным, узким видением своего исследовательского поля. Не удивительно, что становится все труднее и труднее объяснить тем, кого мы учим, и тем, для кого пишем, зачем им вообще нужно изучать историю.

Мировая история, помимо прочего, является попыткой восстановления баланса. Такая точка зрения хорошо выражена Д. Свитом в дискуссии о методах обучения мировой истории в аспирантуре. "Вероятно, лучшим аргументом в пользу программы мировой истории, - писал он, - является сильно запоздалое признание членами нашего профессионального сообщества того, что история в конечном итоге едина как цельное повествование о человечестве, взятое в контексте его изменяющихся отношений с природой. Включая и признание, что все части повествования важны для целого и значимы только тогда, когда так или иначе рассматриваются в отношении к целому" [Sweet, 1988, p. 7].

Доводы подобного рода уже знакомы читателям "Журнала мировой истории". Но те из них, что подходят мировой истории, остаются верными и для еще более крупных масштабов. Мы не можем полностью осмыслить минувшие несколько тысячелетий без понимания значительно более долгого периода времени, в течение которого все люди жили собирательством и охотой, а также тех изменений, которые привели к возникновению самых ранних аграрных сообществ и первых городских цивилизаций. Общество палеолита, в свою очередь, не может быть полностью понято без некоторого представления об эволюции нашего вида в течение нескольких миллионов лет. А это требует определенного взгляда на историю жизни на Земле, и так далее. Подобные аргументы, может показаться, ведут к регрессу в бесконечность, но теперь уже ясно, что это не так. В соответствии с современной космологией Большого взрыва, и у Вселенной есть своя история, история с явным и определенным началом - где-то между 10 и 20 млрд лет тому назад. Мы ничего не можем сказать о том, что происходило до этого времени, поскольку время само образовано Большим взрывом. Если существуют абсолютные рамки для изучения прошлого, то они заданы именно этим масштабом.

В дальнейшем я намерен обсудить некоторые возможные возражения против Большой истории, затем на ряде конкретных примеров продемонстрировать ее достоинства и, наконец, рассказать об университетском курсе Универсальной истории.

Некоторые возражения против Большой истории

Идея Большой истории кажется на первый взгляд странной из-за того, что она еще сильнее, чем мировая история, нарушает ряд хорошо установившихся традиций в способах преподавания и изложения материала. Рассматривать прошлое в очень большом масштабе означает выходить за рамки традиций и переступить привычные границы между историей и другими дисциплинами - теорией антропогенеза, биологией, геологией и космологией. Могут ли быть безнаказанно сломаны традиции в определении временных и дисциплинарных границ? На мой взгляд, да, поскольку в действительности они устарели и нарушение их только оздоровит ситуацию.

Для начала возьмем вопрос о временных масштабах. Хотя есть ряд замечательных исключений (некоторые из них сыграли важную роль в становлении Ассоциации мировой истории), подавляющее большинство профессиональных историков соизмеряют масштаб исследования со сроками человеческой жизни. Существует стремление преподавать курсы и писать книги, охватывающие пару десятилетий, столетие или около того. Два связанных между собой, но противоположных возражения часто выдвигаются против ученых, рассматривающих прошлое на очень больших отрезках времени. Первое состоит в том, что с увеличением обзора приносятся в жертву детали и появляется риск необоснованных обобщений; второе - что на большом отрезке информации слишком много и исследователь с ней не справится.

На оба возражения можно дать один и тот же ответ: само понятие детали относительно. Главное в одном масштабе может стать деталью в другом и полностью исчезнуть в третьем. Некоторые проблемы требуют телескопического, другие - широкоугольного объектива. И если узкий диапазон сменить более широким, то потеря детализации в любом случае компенсируется тем фактом, то в поле зрения оказываются объекты еще большие, объекты настолько большие, что в приближении они целиком не видны. Для историка не существует одного подходящего уровня "зернистости", как не существует и причин считать привычные временные масштабы священными. Необходимое количество деталей полностью зависит от природы стоящего перед нами вопроса.

Этот принцип приложим к любым временным масштабам. Если вопрос касается истоков человеческого общества или влияния человека на среду, тогда мы, очевидно, должны смотреть на прошлое в масштабе миллионов лет². Если наши вопросы касаются значения интеллекта или жизни во Вселенной, то они требуют еще большего масштаба. Все, что требуется для занятия такими проблемами, - готовность менять объективы, и этот прием в принципе знаком любому историку, даже если очень высокий полет может с непривычки вызвать головокружение. Здесь нет принципиальной трудности, хотя расшатывание укоренившихся обычаев требует значительных усилий воображения и ума.

Еще один комплекс критических возражений против Большой истории касается экспертизы. Историк, взявшемуся за решение проблем в таких рамках, приходится нарушать привычные дисциплинарные границы так же, как и привычные временные масштабы. Следует ли историкам сворачивать со своей колеи? Очевидно, что ни один ученый не может приобрести профессиональные знания во всех тех дисциплинах, которые относятся к истории в очень крупном масштабе. Но это не означает, что историк должен отказываться от таких проблем. Если вопрос требует знаний по биологии или геологии, то необходимо найти контакт со специалистами в соответствующих областях, используя разделение умственного труда, которое существует в любом из наших университетов. Это нормальное отношение в любой науке, а также и между многочисленными дисциплинарными подразделениями, составляющими историю. Кроме того, такое заимствование сегодня осуществить легче, чем еще десяток лет назад, поскольку есть множество прекрасных популяризаторских работ, написанных специалистами и доходчиво излагающих новейшие достижения в разных областях знания. Итак, возражения против пересечения междисциплинарных границ несущественны, а трудности здесь носят чисто практический характер.

Таким образом, очевидные возражения против Большой (Универсальной) истории отражают только инерцию существующих традиций в способах преподавания и описания истории. В принципе не существует препятствий для того, чтобы историк рассматривал прошлое в очень широком масштабе, пользуясь, по существу, теми же навыками исследования, оценки и анализа, которые применимы в более привычных масштабах.

Обоснование Большой истории

Каковы доводы в пользу Большой (Универсальной) истории? Они следуют из возражений, которые я только что рассмотрел.

Во-первых, Универсальная история позволяет ставить очень крупные проблемы и, следовательно, осмысливать прошлое в более объемном контексте. Подобно тому, как мировая история открывает перед нами историю отдельных обществ в глобальной ретроспективе, Универсальная история помогает увидеть историю человечества в целостности и в *собственном* контексте. При этом естественно возникают вопросы об отношении между историей нашего вида и историей всех остальных живых существ, между историей жизни и историей Метагалактики. Таким образом,

² Вот, наверное, почему геологической истории Пангеи, охватывающей более 200 млн лет, посвящена целая глава великолепной работы [Crosby, 1986].

Большая история требует постановки вопроса о нашем месте во Вселенной. Она возвращает нас к тем вопросам, ответы на которые многие общества давали в мифах о творении. Это предполагает, что история может играть такую же значительную роль в современном индустриальном обществе, какую в доиндустриальных обществах играли мифы о творении; но для этого наши вопросы должны быть соразмерны по масштабу о глубине тем, которые содержатся в традиционных мифах о творении.

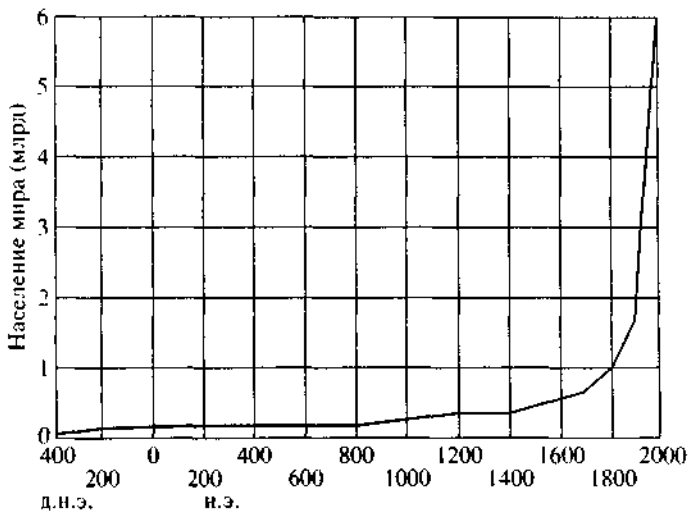
Во-вторых, Универсальная история позволяет браться за решение столь обширных вопросов, поскольку, опираясь на новые подходы и новые модели, стимулирует дополнительные связи между различными академическими дисциплинами. Ее, следовательно, можно рассматривать как подобающий отклик на тот интеллектуальный апартеид "двух культур" - естественнонаучной и гуманитарной, - который Ч.П. Сноу обсуждал в известной лекции 1959 года.

До сих пор обсуждение было очень абстрактным. В последующем я хотел бы конкретно проиллюстрировать каждый из приведенных доводов. Сначала обсудим конкретный исторический вопрос, допускающий несколько масштабов рассмотрения, - вопрос экономического роста в человеческой истории. В каком масштабе лучше всего обсуждать данный вопрос, и как выбор временных масштабов влияет на общую картину и содержание выводов? Я намерен доказать, что данный вопрос лучше обсуждать в масштабе, превышающем принятый в мировой истории.

Большинство социально-исторических теорий ориентированы на изменение технологии и увеличение производительности. Поэтому соблазнительно представить изменения или даже "прогресс" основной чертой человеческой истории, а то и определяющей чертой нашего вида. Э. Джонс тщательно сформулировал данные предположения в серии работ, существенно способствовавших включению крупномасштабных исторических вопросов в сферу интересов профессиональных историков. "Допустим, — пишет он в одном из очерков, - что склонность к росту присуща человеческому обществу. Это не приводит нас на позиции неоклассического максимализма. Не каждый стремится к максимальным достижениям одновременно во всех областях жизни. Все, что необходимо признать, - всеобщее стремление нашего вида к снижению материальной бедности, которая взимает дань умирающими от голода и холода детьми" [Jones, 1989, p. 53]. В масштабе пяти тысяч лет все это весьма правдоподобно. И сам Джонс собирал свидетельства долгосрочной тенденции к экстенсивному и к интенсивному росту в течение этого периода.

Но действительно ли 5 тыс. лет - подходящий масштаб, если мы интересуемся людьми и человеческими сообществами? Если мы ставим вопросы о "склонностях" и "стремлениях" человеческого вида, подходящим масштабом, безусловно, является масштаб истории вида в целом. Каков он? Самое раннее ископаемое свидетельство об австралопитеках, первых членах семейства гоминид, датируется примерно 4 млн лет тому назад [Lewin, 1989]. Первое свидетельство о *Homo habilis*, самом раннем виде, который современные антропологи склонны включать в род *Homo*, датируется почти 3 млн лет тому назад. Появление вида с более крупным мозгом, *Homo erectus*, регистрируется около 1,9 млн лет назад. Отношение между *Homo erectus* и собственно нашим видом, *Homo sapiens*, является предметом серьезных разногласий, но срок от 50 тыс. до 400 тыс. лет включает большинство точек зрения, а 250 тыс. лет — разумный компромисс. Итак, когда же, судя по всем этим свидетельствам, началась человеческая история? Для меня точный ответ не важен. Кто-то может доказывать, что "люди" существовали в течение 5 млн лет. Но, если даже ограничиться сравнительно скромным масштабом в 250 тыс. лет, выводы, полученные для дистанции в 5 тыс. лет, скорее всего, окажутся недостоверными.

Как же выглядит проблема роста в более крупном масштабе? Если мы возьмем мировое население в качестве мерила способности человеческих обществ поддерживать рост, то человеческая история несколько сотен тысяч лет будет повестью о маленьких популяциях и их локальных изменениях, не оставивших следа в исторической летописи, а затем - о внезапном и впечатляющем количественном росте.

Мировое население в период с 400 года до н.э. по 2000 год н.э. [McEvedy, Jones, 1978, p. 342].

Популяции ранних гоминид по величине, вероятно, были такими же, как и популяции других крупных обезьян (в Африке, видимо, их существует около 1 миллиона)³. Мы вынуждены предполагать, что миграции, выведшие около 1 млн лет назад вид *Homo erectus* из Африки в более холодные климатические условия Евразии (миграции, которым могло сопутствовать овладение огнем), привели 250 тыс. лет назад к значительному увеличению мировой популяции гоминид приблизительно до 2—4 млн. Когда в некоторых регионах мира начало появляться оседлое земледелие (10 тыс. лет назад), население мира вряд ли превышало 10 млн. По очень грубым оценкам, человеческая популяция возросла с 2 млн до 10 млн за период примерно в 250 тыс. лет, причем большинство свидетельств роста приходятся на последние 40 тыс. лет. Это настолько незаметный темп, что ни один современный экономист не станет применять к нему слово "рост", и любая "склонность к росту", если кто-либо вознамерится проследить ее на этом отрезке, окажется весьма призрачной.

И, напротив, в течение последних 10 тыс. лет человеческое население возросло с 10 млн примерно до 200 млн (две тысячи лет назад), а затем, с еще более впечатляющим ускорением, почти до 6 млрд на сегодняшний день. Исходя из данных расчетов, человеческая история состоит примерно из 250 тыс. лет относительной статики и всего 10 тыс. лет роста, в основном сконцентрированного на последних нескольких веках. Другими словами, даже при достаточно узком определении нашего биологического вида, рост занимал всего 4% его истории; по-настоящему впечатляющий рост имеет место в последние 0,2% его истории.

На прилагаемом графике отображен рост населения на протяжении немногим более двух с половиной тысячелетий. Чтобы получить представление о динамике за 250 тыс. лет, придется прибавить слева еще девяносто девять графиков, на большинстве из которых кривая, представляющая человеческое население, практически будет сливаться с базисной линией графика. Только на последних трех или четырех графиках она начнет приподниматься над нею.

В той мере, в какой рост населения может служить показателем среднего уровня производительности, мы должны заключить, что рост в истории человечества - скорее, не норма, а отклонение. Рост, зарегистрированный Джонсом в последние 5 тыс. лет, свидетельствует о внезапном разрыве исконного равновесия между челове-

³ Следующие данные приводятся по изданию [McEvedy, Jones, 1978].

ком как видом крупных млекопитающих и средой, которую он населяет. К. Чиполла комментирует это так: «Один биолог, посмотрев на диаграмму, демонстрирующую рост мирового населения последнего времени в долгосрочной перспективе, сказал, что у него возникла ассоциация с кривой роста популяции микробов в теле, внезапно пораженном какой-то инфекционной болезнью. "Бацилла" человека захватывает мир» [Cipolla, 1974, p. 114, 115]. Почему именно этот отдельный крупный вид млекопитающих внезапно начал демонстрировать поведение болезнетворных микроорганизмов? В масштабе человеческой истории в целом это действительно интересный вопрос.

То же самое можно выразить немного по-другому, указав на тот общеизвестный факт, что история людей - более всего история собирателей и охотников⁴. В известном смысле охота и собирательство являются "естественными" занятиями людей, а то, что появилось в последние пять тысяч лет - глубоко "противоестественно". Нет ничего "естественного" в государстве, цивилизации или экономическом росте. Вся история земледельческих, а затем и индустриальных цивилизаций, с этой точки зрения, представляет собой любопытный и поразительный финал человеческой истории.

Большая ретроспектива заставляет нас по-новому подойти к проблеме роста. А это, в свою очередь, влечет споры этического характера, и некоторые из них уместны только при очень масштабном подходе. Стоит ли нам восхищаться взрывным ростом последних нескольких тысячелетий? Отличаемся ли мы именно этим от остальных форм жизни? Обнаруживаются ли подобные поворотные пункты в истории других живых существ? В конце концов, управляется ли человеческая история ритмами природной истории в целом? Каково вероятное влияние нашей истории на историю планеты? Доказывает ли ускоренный рост человеческого общества, что изумительная (и нетипичная для других животных видов) изобретательность будет постоянно превосходить опасности, ею же и создаваемые? Высказывания по вопросам такого рода спорадически встречаются во многих исторических работах, но важно, чтобы эти вопросы ставились серьезно и отчетливо. Их следует обсуждать достаточно строго, чтобы историческая наука могла служить ареной серьезной дискуссии о том, что такое человек - дискуссии, которая неизбежно приобретает этическое измерение.

Обсуждение проблем "роста" высвечивает и другое преимущество масштабного изучения истории. Очень длительный срок позволяет отслеживать самые долгосрочные тенденции. А это, в свою очередь, дает возможность обсуждать будущее иначе, нежели при ограниченной исторической ретроспективе. Допустимо ли неограниченно продолжить в будущее тенденцию ускоряющегося экономического роста? Вероятно, нет, хотя бы потому, что такая экстраполяция математически приведет нас к обескураживающим бесконечностям: неограниченный рост населения, неограниченное потребление и так далее. Рассмотрев подобные долгосрочные тенденции, мы убедимся, что они не могут быть неограниченно продолжены в будущее. Что же это значит? Какие закономерности сменяют те тенденции ускорения, которые мы наблюдаем в настоящее время? Будут ли они по своей природе носить мальтузианский характер? Проявятся ли в изменениях климата и экологии? Потребуется ли рационального человеческого вмешательства и когда?

Только фундаментально изучая долгосрочные тенденции, историки смогут серьезно обсуждать подобные вопросы, имеющие огромное значение для нашего видения последующих нескольких столетий и для актуальных политических и экономических решений. Чем определяется направление долгосрочных тенденций? Что управляет механизмом длительного роста?⁵ Как быстро эта машина способна двигаться и на каком этапе она может забуксовать? Поднимая вопросы подобного рода, Большая история создает предпосылку для снятия древнего табу историков на обсуждение будущего наравне с прошлым. Табу имело смысл, но лишь до тех пор, пока историки

⁴ Первой попыткой создания экономической теории для подобных обществ была работа [Sahlins, 1972].

⁵ Эти вопросы составляют основу работ Э. Джонаса [Jones, 1981, 1988].

отказывались обсуждать тенденции достаточно обширные для того, чтобы давать осмысленные подсказки по поводу будущего. Эти примеры демонстрируют, как широкомасштабное изучение истории способствует постановке фундаментальных вопросов, браться за которые в меньших масштабах невозможно.

Как выше отмечено, одно из достоинств Большой истории состоит в том, что она побуждает историков знакомиться с моделями, техниками, навыками мышления и способами верификации, принятыми в других дисциплинах. Это, в свою очередь, помогает историкам по-новому взглянуть на свой предмет⁶. Мне бы хотелось привести краткую иллюстрацию к этому соображению. Она имеет отношение к проблеме сельскохозяйственной деятельности и ее истоков и почерпнута из работы Д. Риндоса [Rindos, 1984].

Риндос ищет ответы на исторические вопросы (причины возникновения сельского хозяйства) в дарвиновской парадигме. Он доказывает, что возникновение сельского хозяйства - процесс известный из естественной истории, где он может быть описан как форма коэволюции, развития симбиотических отношений между двумя различными видами. Сельское хозяйство не является исключительной принадлежностью человечества потому, что и о многих других видах животных, включая несколько видов муравьев, можно сказать, что они также выработали формы сельского хозяйства или "одомашнивания", при котором животное способствует успешному размножению съедобного растения. В дарвиновской парадигме коэволюция - неважно кого: муравьев и деревьев, или людей и зерновых - это обоюдный процесс, в который что-то привносится каждым из видов. Процесс по сути слепой, не включающий элементов сознательного намерения. Вот данное автором определение одомашнивания: "Это коэволюционный процесс, при котором данный таксон отклоняется от своих изначальных генетических связей, начинает осуществлять симбиотическую защиту и устанавливает совместно-раздельные отношения с определенным животным, которым кормится. Симбиозу способствуют адаптация (изменения в морфологии, физиологии или автоэкологии) популяции растений или изменения в поведении животных" [Rindos, 1984, p. 143].

В случае с сельским хозяйством у людей коэволюция была предположительно инициирована тем, что охотники-собиратели могли разбросать семена предпочитаемых ими растений вокруг мест, часто используемых для стоянки. Скорее всего, подобным образом и отбирались растения с наиболее привлекательным вкусом, они и произрастали рядом с местами стоянок. Эту модель Риндос называет "моделью происхождения сельского хозяйства из мусорной кучи" [Rindos, 1984, p. 134, 135].

Использует Риндос только аналогию или он считает возможным прямое применение в человеческой истории дарвиновской концепции эволюции? Как я понимаю, он претендует (после обстоятельной спиритической консультации с духом Герберта Спенсера) на то, что это скорее аргументация, нежели аналогия. В любом случае, прежде чем использовать дарвиновские положения в качестве инструмента интерпретации человеческой истории, их следует существенно модифицировать. Из определения "одомашнивания", данного Риндосом, вытекает, что в природном мире коэволюция, кроме поведенческих, предполагает также генетические изменения обоих партнеров. В случае человеческого одомашнивания зерновых последнее сомнительно. Безусловно, сельское хозяйство положило начало быстрым генетическим изменениям у одной из сторон эволюционирующих отношений - у растений; но Риндос не доказывает, что это верно для обеих сторон. Человеческие группы эволюционировали культурно. Их поведение и культуры изменились с тем, чтобы одновременно максимизировать выгоды от одомашнивания растений и повышать репродуктивные возможности растений. Итак, в данном случае коэволюция включала генетические изменения одной из сторон и поведенческие - другой. Эта линия аргументации приводит Риндоса к понятию "культурной эволюции": "Поведение, как и

⁶ « Одну из лучших дискуссий недавнего времени о роли случайности в истории можно найти в книге палеонтолога С. Голлда [Gould, 1989].

любая другая фенотипическая черта организма, поддается отбору. Таким образом, способы поведения могут со временем оказаться фактором заметной репродуктивной успешности рода. Если новый способ поведения увеличивает вероятность процветания рода (в количественном смысле), то изменение в поведении повышает приспособленность этого рода" [Rindos, 1984, p. 225]. Вопрос здесь не в том, верно мнение Риндоса об истоках сельского хозяйства или нет. Решающим моментом является то, что историки могут только выиграть, всерьез учитывая способы, которыми другие дисциплины решают свои задачи. Крепче увязывая традиционное содержание и методологию истории с содержанием и методологией других наук, можно только обогатить теоретический и методологический инструментарий историков.

История пятнадцати миллиардов лет

Но возможно ли практически работать с Большой историей? В частности, может ли история преподаваться в этом масштабе? Лучшим подтверждением служит дело. В университете Маккуори в Сиднее мы с 1989 года ведем курс истории для первого года обучения, в котором осуществляется именно то, что я здесь предлагаю. Обсуждается история во многих различных временных масштабах, начиная с масштаба Вселенной⁷. Естественно, этот курс реализует только один из возможных подходов к Универсальной истории, и он может прийтись или не прийтись по вкусу другим историкам. Но наш опыт подсказывает, что такой курс в принципе осуществим, стоит только взяться за его разработку. Поэтому я завершу статью кратким описанием нашего подхода к Большой истории.

Курс в Маккуори рассчитан на 13 недель: по две лекции и одной консультации в неделю. Лекции касаются разных дисциплин: астрономии, геологии, биологии, палеонтологии, антропологии, теории антропогенеза, классической и современной истории.

Первые лекции посвящены мифам о времени и творении. В лекции по времени предлагается вводная дискуссия о той культурной среде, в которой действуют историки (чаще всего не замечая ее); преподаватель стремится показать разницу между концепциями природы времени в разных обществах и помочь студентам перейти к большим и непривычным временным масштабам. Во второй лекции обсуждаются мифы о творении в различных обществах. Ее цель - продемонстрировать, что сама история может рассматриваться как современный "миф о творении". Она отражает наиболее успешные попытки нашего общества ответить на вопросы о собственных истоках и так же, как мифы о творении в племенах австралийских аборигенов, содержит ответы культуры на фундаментальные вопросы о происхождении небес, планеты, всего живого, людей и человеческого общества. При этом становится очевидным, что история, подобно традиционным мифам о творении, может выдвигать вопросы самого фундаментального характера. И здесь, на мой взгляд, преподаватель курса Большой истории получает первую награду: важность предмета становится самоочевидной.

После вводных лекций начинается изложение событий, которое нетрадиционно только своим масштабом. В двух лекциях, читаемых профессиональным астрономом, обсуждаются существующие теории происхождения самой Вселенной, а также галактических и звездных кластеров, являющихся ее крупнейшими структурами. Две лекции посвящены истории Солнечной системы и истории Земли и ее атмосферы. Далее следуют лекции, в которых обобщены современные теории и доказательства происхождения жизни на Земле, основные законы и этапы биологической эволюции. Затем рассказывается об эволюции гоминид, а собственно о виде *Homo sapiens* речь заходит только на пятой неделе.

Появление человека, учитывая влияние традиционных дисциплинарных границ, неизбежно знаменует критический поворотный пункт в ходе курса. Это момент, когда на смену наукам, традиционно обозначаемым как "естественные", приходят науки

⁷ Более детальное описание приведено в издании [The Longest... 1989, p. 27-36].

"общественные" или "гуманитарные". Для такого перехода необходимо обсудить смысл традиционного разделения наук на естественные и гуманитарные и, соответственно, природу "истин", добываемых естествоиспытателями и историками. Поэтому на данном этапе дается вводная лекция по теории науки, в которой ставится следующий вопрос: действительно ли история менее "научна", чем естествознание? (Ответ - осторожное, но твердое "нет"). В лекции показывается, как Универсальная история может выдвигать не только содержательные, но и методологические проблемы. Является ли история наукой? В какой степени она может претендовать на формулировку истин более строгих, чем традиционные мифы о творении? Должна ли история стремиться к образованию собственных "парадигм" (в смысле Т. Куна)? Существуют ли какие-то фундаментальные различия между типами свидетельств, используемых естествоиспытателями и историками? (Отличается ли коренным образом письменный документ от красного свечения отдаленной галактики?) Насколько полезны модели? Проблемы исторической методологии не исчезают, если рассматривать историю в большом масштабе; напротив, они могут встать еще отчетливее, когда методы и приемы доказательства у историков окажутся в противоречии с теми, что используются исследователями в других дисциплинах. Чтобы убедить в этом, лекторы и консультанты курса каждый раз концентрируют внимание на способах *верификации* обсуждаемых теорий.

С этого момента содержание курса в Маккуори становится более привычным⁸. Далее следуют лекции по сущности палеолитических обществ и значимости собирательно-охотничьих технологий и образа жизни для прошлого и настоящего. Затем - но возникновению сельского хозяйства, ранним политическим и классовым структурам и самым ранним цивилизациям. Только на этом этапе, на девятой неделе курса, мы приступаем к проблемам, принятым в традиционных исторических работах. Обсуждаются ранние цивилизации и классические цивилизации Европы, Азии и обеих Америк. Дискуссия по доколумбовой Америке особенно плодотворна, так как в ней ставится захватывающий вопрос о параллелях в развитии аграрных цивилизаций тех частей света, которые, по-видимому, не имели культурных контактов в течение многих тысяч лет. Затем идет серия лекций о возникновении отличительных черт и сущности мира, в котором мы живем на исходе второго тысячелетия по христианскому календарю.

В последней лекции, которую я (историк) читаю совместно с коллегой-биологом, мы пытаемся сделать обзор всего курса в целом. В ней мы задаем вопрос, возможный только в рамках курса подобного рода: способны ли мы выявить в прошлом закономерности? Этот вопрос ставится в трех разных масштабах - в масштабе человечества, в масштабе планеты и в масштабе Вселенной. Каков наш ответ? Да, существуют масштабные закономерности. В некотором смысле история на всех трех уровнях - это fuga, двумя главными темами которой являются энтропия (ведущая к нарушению баланса, отрицанию сложных сущностей и своего рода "утомлению" Вселенной) и, как своего рода контрапункт, - созидательные факторы, формирующие и поддерживающие, несмотря на напор энтропии, сложные, но временные равновесия⁹. Эти хрупкие равновесные системы включают галактики, звезды, Землю, биосферу (то, что Дж. Лавлок обозначал словом "Гея" [Lovelock, 1987, 1988]), разного рода социальные структуры, живые существа и люди. Все это - сущности, которые достигают временного, но всегда непрочного равновесия, проходят через периодические кризисы, вновь достигают равновесия, но в конечном итоге уступают воздействию еще более мощных факторов, выражаемых принципом "энтропии". Они подчиняются ритму "прерывистого равновесия", который был зафиксирован в истории жизни на Земле С. Гоулдом и Н. Элдриджем [Gould, 1980, p. 149-154]. Эти

⁸ Для того, чтобы определенным образом систематизировать последующие лекции, мы адаптировали в качестве некоей рабочей "парадигмы" модель социальной структуры, описанную в великолепной работе [Wolf, 1982].

⁹ Некоторые оправдания для этих грандиозных спекуляций см. [Davies, 1989].

сущности живут, развиваются и затем умирают. Аналогичные зависимости обнаруживаются в любых масштабах времени, и в этом смысле история, как сказал бы специалист по математической теории хаоса, "самоподобна". Человеческая история в таком ракурсе - это повествование об одной из таких равновесных систем, существующей на протяжении около миллиона лет. А история последних нескольких тысяч лет - это переход данной системы от долгого периода равновесия к периоду турбулентности и нестабильности. В этом ракурсе самым глубоким вопросом, который может быть задан современным представителям вида *Homo sapiens*, состоит в том, удастся ли человеческому обществу вновь достичь какого-либо равновесия или оно уступит силам энтропии.

Заключение

Цель данной статьи - систематизировать аргументы в пользу Большой истории. Может, следовательно, показаться, что в ней осуществляется атака на "малую историю". Подчеркну в заключение, что это не так. Я не удовлетворен не тем, что историки сосредоточились на деталях, а тем, что на протяжении столетия со времен Ранке все профессиональное сообщество видело свою задачу исключительно в детализированных исследованиях. В итоге историки стали игнорировать вопросы о смысле, значимости и целостности, способные связывать между собой разрозненные факты. Если мы хотим восстановить свою роль в дискуссии о том, что такое человек, то должны вернуться к крупному масштабу, который само собой разумелся в те времена, когда история еще не стала "наукой".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Cipolla C.M.* The Economic History of World Population. Harmondsworth, 1974.
Crosby A.W. Ecological Imperialism: The Biological Expansion of Europe, 900-1900. N.Y., 1986.
Davies P. The Cosmic Blueprint. London, 1989.
Gould S.J. The Episodic Nature of Evolutionary Change // *Gould S.J.* The Panda's Thumb. Harmondsworth, 1980.
Gould S.J. Wonderful Life: The Burgess Shale and the Nature of History. New York, 1989.
Jones E.L. The European Miracle: Environments, Economies and Geopolitics in the History of Europe and Asia. Cambridge, 1981.
Jones E.L. Growth Recurring: Economic Change in World History. Oxford, 1988.
Jones E.L. Recurrent Transitions to Intensive Growth // Human History and Social Process. Exeter, 1989.
Lewin R. Human Evolution: An Illustrated Introduction. Oxford, 1989.
Lovelock J. Gaia: A New Look at Life on Earth. Oxford, 1987.
Lovelock J. The Ages of Gaia. Oxford, 1988.
McEvedy C., Jones R. Atlas of World Population History. Harmondsworth, 1978.
Rindos D. The Origins of Agriculture: An Evolutionary Perspective. New York, 1984.
Sahlins M. Stone Age Economics. London, 1972.
Snow C.P. The Two Cultures and the Scientific Revolution. Cambridge, 1959.
Sweet D. World History Bulletin - 5. 1988. № 2.
The Longest Durée: A History of the Last 15 Billion Years. Australian Historical Association Bulletin, 59-60. 1989.
Wolf E. Europe and the People without History. Berkeley, 1982.